

6

АРХИВ №

По изданию газеты "Русский Курьер".
Издатель-Редактор: Профессор Петр
Землеустроительской Академии Шенкель (и др.)
Формат той же Академии Петри

ДЪЛО

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ
ПЕЧАТЬ И ЦЕНЗУРА
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ
в 1865–1905 гг.**

1869 года.
1872 года.

16

АРХИВ №

Канцелярия
Главного Управления по делам печати.

Система

1-го ОТДЕЛЕНИЯ

176

368

ПЯТИ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО
ДЕЛАМ ПЕЧАТИ.

**административных
взысканий**

издание е. и. с. и.
ней, под редакцией
ской "Курьер"

Справочное издание

По изданию газеты "Русский Курьер".
Издатель-Редактор:
Землеустроительской
Формат той же

ДЪЛО

УДК 351.751.5:94(47)«1865/1905»

ББК 76.10:63.3(2)522/23

П 20

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-01-16137д*

Составитель и автор вступительной статьи **Н. Г. Патрушева**

Редактор **М. А. Бенина**

Рецензенты *д. и. н. В. Г. Чернуха, д. филол. н. Л. П. Громова*

П 20 Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг.

Система административных взысканий: Справочное издание. —

СПб.: Издательство «Нестор-История», 2011. — 412 с.

ISBN 978-5-98187-780-3

УДК 351.751.5:94(47)«1865/1905»

ББК 76.10:63.3(2)522/23

В книге рассматривается цензурная политика российского правительства в отношении периодической печати в то время, когда роль последней в жизни общества становилась все более влиятельной. Цензурная реформа 1865 г. положила начало переходу к судебной ответственности в делах печати, однако власть предпочитала использовать административные меры. В период с 1865 по 1905 г. сложилась и действовала особая система административных взысканий (предостережения, приостановки, запрещения розничной продажи, публикации частных объявлений), которая позволяла применять экономические методы воздействия на печать вплоть до окончательного прекращения издания.

Источником для работы послужили законодательные акты, официальные и частные периодические издания, архивные документы РГИА, ОР РНБ, Архива РАН. Во вступительной статье дан очерк истории становления и функционирования системы административных взысканий. В основной части справочника собраны тексты распоряжений, касающиеся административных взысканий, данных периодической печати в 1865–1905 гг., и их свод в таблицах: по периодическим изданиям (Таблица 1) и хронологический (Таблица 2). В приложении публикуются записки государственных и общественных деятелей о положении печати в исследуемый период. Справочник снабжен необходимыми комментариями и подборкой текстов цензурных законов, облегчающими его использование.

ISBN 978-5-98187-780-3

9 785981 877803

© Н. Г. Патрушева, автор, 2011

© Российская национальная библиотека, 2011

© Издательство «Нестор-История», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От составителя</i>	7
Система административных взысканий, 1865–1905 гг. <i>Вступительная статья</i>	15
Административные взыскания, полученные периодической печатью в 1865–1905 гг. <i>Список</i>	61
Таблица № 1	254
Таблица № 2	291
Приложение 1. Оболенский Д. А. [По поводу закона о печати. 1869 г.]	310
Приложение 2. Всеподданнейшее прошение русских писателей (1895 г.)	318
Приложение 3. Бильбасов В. А. Нужды русской печати (доклад в Юридической комиссии 14 декабря 1897 г.)	332
Приложение 4. Докладная записка цензора Санкт-Петербургского цензурного комитета статс-секретаря Н. М. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1 сентября 1865 года по 1 января 1900 года	342
Приложение 5. Буш В. В. Всеподданнейшие доклады по Главному управлению по делам печати 1865–1909 гг. (1919 г.)	348
Приложение 6. Законы о печати и статьи цензурного устава о периодической печати (1862–1905 гг.)	356
Список источников и литературы	398
Список сокращений	411

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ 1865–1905 гг.

1

6 апреля 1865 г. Александр II утвердил в качестве Временных правил закон «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати»³⁶. Наряду с предварительной цензурой, функции которой определялись по-прежнему Уставом 1828 г. и Временными правилами от 12 мая 1862 г.³⁷, для ряда изданий вводилась карательная цензура. Дела печати и цензуры сосредоточивались в Главном управлении по делам печати при Министерстве внутренних дел под высшим наблюдением министра. Он давал разрешение на издание газет или журналов и получил право освобождать периодические издания в Петербурге и Москве от предварительной цензуры.

Освобожденные издания должны были доставляться в цензуру до выпуска в свет: ежемесячные — за два дня, еженедельные и ежедневные — одновременно с началом печатания тиража. После рассмотрения номера цензор или разрешал его выпуск, или задерживал издание и возбуждал против редакции судебное преследование. Кроме ответственности по суду, издания подвергались следующей системе административных взысканий: министр внутренних дел мог дать периодическому изданию предостережение за «вредное направление» с указанием статей, подавших повод к наказанию. Цензор, наблюдавший за изданием, в случае обнаружения материалов, служащих поводом для взысканий, составлял рапорт, который обсуждался в Совете Главного управления по делам печати. Решение принималось голосованием и должно было быть утверждено министром внутренних дел. Одновременно с третьим предостережением он мог приостановить выход издания не более чем на 6 месяцев. Предостережения не имели срока давности. От них можно было избавиться только после приостановки издания, а затем снова набирать взыскания.

Окончательное прекращение периодического издания могло последовать по предварительному соглашению с первым департаментом

³⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. № 41988, 41990.

³⁷ Там же. Т. 3. № 1979, Т. 37. № 38270.

Сената. Формулировка судебного определения или административного взыскания должна была быть напечатана в данном периодическом издании, иначе оно подвергалось штрафу за каждый выпущенный номер, а через три месяца — прекращалось.

Периодическая печать в провинции по-прежнему подчинялась правилам о предварительной цензуре. Разрешение на розничную торговлю произведениями печати выдавалось полицмейстерами или уездными исправниками, которые были подотчетны губернатору. Они же осуществляли контроль за разносчиками, следили, чтобы у них не было запрещенных книг, журналов или рукописей.

В целом цензурная реформа явилась значительным шагом вперед в истории цензурного законодательства, положив начало переходу к закону о печати, основанному на свободном книгопечатании с ответственностью за нарушение правил исключительно в судебном порядке.

В «Северной почте» был опубликован ряд статей, разъясняющих отдельные положения нового цензурного устава. Стремлением «открыть более широкий путь для мысли серьезной, содействуя истинному образованию»³⁸, объясняла газета освобождение от предварительной цензуры ограниченного числа периодических изданий и книг. В газете утверждалось, что административные взыскания являются «не задержкою на пути литературы, а мерою необходимой и благоразумной осторожности»³⁹, однако цель их была раскрыта в этой же статье: «Предварительная цензура может останавливать зло быстро; необходимо, чтобы с ее отменю власть не была лишена возможности <...> останавливать, карать и предупреждать зло скоро, верно и решительно». Особо подчеркивалось, что взыскания лишены тех стеснений, которые существуют во Франции⁴⁰.

Новые правила вводились в действие с 1 сентября 1865 г. 23 августа цензоры столичных цензурных комитетов получили инструкцию министра внутренних дел П. А. Валуева о порядке надзора за освобожденными от цензуры изданиями⁴¹. В ней подтверждалось, что сочинения, направленные против православной церкви и христианской веры, самодержавной власти, нравственности, права собственности, пытающиеся возбудить недоверие к правительству, вражду или ненависть между сословиями, подлежат преследованию. Особо подчеркивалось, что периодические издания имеют свойство «непрерывных проводников впечатлений на публику», и потому они не нуждаются в прямых

³⁸ По поводу новых правил о печати // Северная почта. 1865. 20 апр.

³⁹ Там же. 21 апр.

⁴⁰ Там же. 22 апр.

⁴¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 5 — 1900. Д. 205. Л. 3 об.

высказываниях своих взглядов, а могут проводить их постепенно, «выражая их рядом намеков, недоговоров, повторений и других редакторских или издательских приемов». Наблюдая за периодикой, цензоры должны были изучать «господствующие в них виды и оттенки направления» и именно с этой точки зрения рассматривать отдельные статьи. Если невозможно будет возбудить судебное преследование по одной статье, то с течением времени несколько подобных статей составят, наконец, основание для судебного преследования. А благонамеренные журналы и газеты заслужат некоторое снисхождение при своих случайных ошибках или недосмотрах.

Цензорам необходимо было обращать внимание на характер каждого издания, его историю и состав редакции. Особого внимания заслуживали статьи, обобщившие или преувеличившие ошибки или злоупотребления администрации, оскорбившие правительственных лиц и учреждения. 9 сентября 1865 г. в журнале заседаний Совета Главного управления было отмечено, что административные взыскания необходимо налагать в тех случаях, когда «не предвидится успеха в судебном направлении дела, по неопределительности и неуловимости нарушения закона» и когда наказание должно последовать немедленно⁴².

Подобные предупреждения цензоры получали неоднократно. Так, в 1901 г. Н. В. Шаховской писал: «Направление того или другого издания проявляется не в отдельных только статьях, но и в известном подборе и сопоставлении статей, из которых каждая в отдельности не дает оснований для ее запрещения, в писании между строк, условном языке и т.п.»⁴³.

В августе 1865 г. Валуев подал записку Александру II о необходимости сотрудничества в делах печати между министерствами внутренних дел и юстиции. Он опасался, что суды выйдут из-под контроля: «Суд независим. Судьи свободно постановляют решение. Но до его постановления дело должно быть им представлено правильно, полно и с соблюдением тех условий, которые правилами судопроизводства предудказаны. Если преследуются виновные, то преследующий должен стремиться к его обвинению со стороны суда. Если защищается интерес правительственный или общественный, то он должен быть защищаем настойчиво. <...> Прокуроры <...> Если они не разделяют лично взгляда Главного управления, то они обязаны себе его усвоить». Валуев просил императора распорядиться, чтобы Главному управлению по делам печати всегда оказывалось содействие со стороны чинов судебного управления, а прокуроры руководствовались его указаниями⁴⁴.

⁴² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 73 об.—74.

⁴³ Там же. Оп. 20. Д. 541. Л. 102—102 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 908. Оп. 1. Д. 142. Л. 27 об.—29.

Однако первые же судебные процессы по делам печати показали, что обновленное судопроизводство не отвечает интересам администрации, которая не привыкла подчиняться законам. Прокурор мог поддерживать перед судом обвинение против автора или издателя только в том случае, если публикация определенного произведения нарушала какую-либо статью закона. Часто в ходе судебного процесса преследование прекращалось за недостаточностью оснований, а иногда дело заканчивалось и оправданием обвиняемых.

В Комиссии по составлению нового цензурного устава под руководством С. Н. Урусова подчеркивалось, что, благодаря введенной с 1864 г. гласности судопроизводства, «в публику совершенно беспрепятственно проникали те встречавшиеся в сочинениях преступные суждения и мысли, наличность которых служила главным образом основанием к возбуждению судебного преследования»⁴⁵. В материалах Комиссии по пересмотру штатов цензурных учреждений 1896 г. указывалось, что «оправдательные приговоры судебной власти, требующей для обвинения прямого нарушения статьи Уголовного закона — закона, столь легко обходимого при разившемся искусстве излагать наиболее вредные мысли и понятия иносказательно, естественно все более и более ослабляли значение тех административных властей, на обязанность коих было возложено преследование злоупотребления печатным словом»⁴⁶.

П. А. Валуев считал, что цель реформы 1865 г. «заключалась в необходимости вооружить правительственную власть теми предохранительными, оборонительными и репрессивными средствами, которых она уже не находила в прежних цензурных узаконениях»⁴⁷, и его не устраивала независимость суда от администрации. Он призывал судебные власти оказывать содействие в сдерживании стремления литературы к независимости. В записке «О положении дел печати» (8 февраля 1868 г.) Валуев подчеркивал, что прессу устраивала ответственность по суду, так как она научилась объясняться с читателями при помощи «оговорок или недоговорок», а суд «не имеет права догадываться»⁴⁸. В отчете Главного управления по делам печати за 1868–1870 гг. отмечалось, что бесполезно применять судебное преследование до тех пор, пока «суды не поймут, что они также учреждения правительственные, а потому в делах печати, возбужденных правительством, должны быть с ним со-

⁴⁵ Там же. Ф. 776. Оп. 21, ч. 1 — 1897. Д. 102. Л. 13 об.

⁴⁶ Там же. Л. 13.

⁴⁷ Там же. Ф. 908. Оп. 1. Д. 104. Л. 75.

⁴⁸ О попытках П. А. Валуева договориться о согласованности действий с Министерством юстиции см.: *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 46, 71–78.

лидарны, то есть при полном беспристрастии разделять его взгляды на смысл и применение законов»⁴⁹. Следующий министр внутренних дел, А. Е. Тимашев, также считал необходимым следить за процессами по делам печати и оказывать давление на судебную власть с целью предотвращения оправдательных приговоров⁵⁰, но они так и не стали редкостью. В донесении Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати по поводу напечатанной в «Новой газете» (1881. № 8) статьи «В ожидании», которая, по мнению цензора, возбуждала «общественное мнение против правительства», был сделан вывод, что «практика предшествующих лет показала, что судебные преследования, возбуждаемые цензурным ведомством в подобных <...> случаях, обыкновенно оканчивались оправданием виновных»⁵¹.

Поэтому цензурное ведомство и старалось избегать судебного преследования и отдавало предпочтение административным взысканиям как более действенной мере. Д. А. Оболенский, председатель комиссий, в которых вырабатывались Временные правила 1865 г., писал, что Главное управление по делам печати, «не видя средств правильным путем преследовать замеченные ею (цензурой. — *Н.П.*) нарушения, ухватилось за предоставленное ему право административных взысканий»⁵² (см. Приложение № 1). Валуев, говоря о системе административных взысканий, отмечал, что «предостережения, по самому свойству своему, ближе относятся к таким уклонениям прессы, которые, не подходя под прямое действие карательного закона, ускользают от судебного преследования»⁵³. К. К. Арсеньев писал: «Пока в руках администрации два способа действий против печати: один — скорый и не допускающий отпора, другой — более медленный и не всегда приводящий к желанной цели, до тех пор почти неизбежно предпочтение первого перед последним»⁵⁴.

Однако часто случалось так, что невозможно было возбудить судебное преследование из-за отсутствия соответствующего данному случаю закона и, благодаря различным уловкам редакции или автора, статья не могла служить поводом для предостережения. Об отрицательной стороне такой практики писал министр народного просвещения А. В. Головин: «При системе <...> взысканий административная кара постигает статью уже тогда, когда она проникла в публику; взыскание не ослабляет

⁴⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 5. Л. 36.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2106. Л. 1.

⁵¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 21. Л. 207–209 об.

⁵² ОР РНБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

⁵³ Цит. по: *Оржиховский И. В.* Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.): Лекции по спецкурсу. Горький, 1973. С. 40.

⁵⁴ *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 112.

произведенного ею впечатления — напротив, внимание публики еще более привлекается к ней, и она получает такое значение, на которое часто не имела никакого права»⁵⁵. Цензор Петербургского цензурного комитета Ф. П. Еленёв придерживался того же мнения и указывал, что иногда статьи, послужившие поводом для предостережения, «вовсе в нем не упоминались, по неудобству привлекать к ним внимание публики», что оставляло редакции в недоумении, что именно вызвало наказания⁵⁶.

В таких ситуациях, когда нельзя было объявить предостережение и возбудить судебное преследование, в Главном управлении по делам печати статьи брались на заметку — «принимались к сведению», как характеризующие направление издания, чтобы прибегнуть к карательным мерам при первом удобном случае. Так, в 1865 г. такие статьи были найдены в «Московских ведомостях», «Русском слове», «Голосе», «Вести», «Отечественных записках», в 1866 г. — в «Неделе», «Московских ведомостях», «Петербургских ведомостях», «Современнике»⁵⁷. В течение 1867 г. подобных статей в газете «Московские ведомости» было отмечено две, в «Голосе» — пять, в «Москве» — шесть, в «Биржевых ведомостях» — четыре, в «Народном голосе» — две⁵⁸. В 1868 г. было «принято к сведению» 83 статьи⁵⁹.

За некоторыми изданиями устанавливался особый надзор. Так, после объявления «Неделе» первого предостережения 27 апреля 1868 г. было решено «на будущее время иметь за этим изданием наблюдение и применять к нему карательные меры с наибольшей строгостью»⁶⁰. В 1881 г. в журнале Совета также отмечалось, что «направление этого издания требует особого наблюдения со стороны гг. членов Совета»⁶¹. В отчете Главного управления по делам печати за 1873 г. указывалось, что для характеристики направления «Биржевых ведомостей» и «С.-Петербургских ведомостей» было «принято к сведению» 7 статей, «Голоса», «Гражданина», «Петербургской газеты», «Судебного вестника» — по 4, «Отечественных записок» — 3, «Недели» — 2 и по 1 в «Искре», «Русском мире» и «Сыне отечества»⁶².

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 35. Л. 27 об.

⁵⁶ Еленёв Ф. П. 1) О злоупотреблениях литературы и действиях цензурного ведомства с конца пятидесятых годов по настоящее время; 2) О необходимых изменениях в устройстве цензурного ведомства. СПб., 1896. С. 51.

⁵⁷ Собственноручные отметки министра внутренних дел на журналах Совета Главного управления по делам печати. СПб., 1868. С. 4–40.

⁵⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 662. Л. 215 об., 219 об.—220.

⁵⁹ Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 210.

⁶⁰ Цит. по: Лапина Г. С. Газета «Неделя» в 1868–1869 гг. и цензура // Вестник Моск. ун-та. Сер.: Журналистика. 1968. № 1. С. 53.

⁶¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 21. Л. 222 об.

⁶² Там же. Оп. 11 — 1873. Д. 120. Л. 70 об.

Редактор мог получить «внушение» или «строгое внушение» (не предусмотренное в законе). В отчете Главного управления по делам печати за 1871 г. содержатся данные о том, что было сделано 2 «внушения» редакторам, а статей, «принятых к сведению», в 16 изданиях было 62, причем больше всего в «Искре»⁶³. В отчете за 1873 г. «внушения» не были отмечены, а статей, «принятых к сведению», оказалось 38 в 11 изданиях, больше всего в «Биржевых ведомостях» и «С.-Петербургских ведомостях»⁶⁴. В 1875 г. было сделано 4 «внушения» редакторам, а статей, «принятых к сведению» — 18 в 9 изданиях и больше всего в «Судебном вестнике»⁶⁵. В 1879 г. соответственно — 9 и 34 в 14 изданиях, больше всего в «Русской правде»⁶⁶. 10 августа 1881 г. «строгое внушение» было сделано редактору московской газеты «Земство»⁶⁷.

В историческом очерке, посвященном газете «Русские ведомости», указывалось, что «в числе разнообразных способов воздействия на печать в Москве <...> практиковалась одна мера, так сказать, непубличного характера: вызов редактора к главному представителю московской администрации — к генерал-губернатору для келейной беседы»⁶⁸. В отчете Московского цензурного комитета за 1871 г. дана следующая характеристика московской периодической печати: «Явная склонность к порицанию, и порицанию преимущественно действий административной власти, составляет крупную черту в направлении печати <...>. Комитет весьма часто прибегал к личным переговорам и соглашениям с редакторами»⁶⁹. В. В. Водовозов писал: «Цензура <...> приобрела себе на практике право делать личные внушения и выговоры редакторам журналов, которые для этого приглашаются в цензурный комитет <...> и редакторы, как школьники, выслушивали их, радуясь, что цензура не прибегает к более серьезным способам воздействия»⁷⁰.

Информация о подобных мерах никогда не становилась достоянием общественности. Однако 12 ноября 1870 г. в «Правительственном вестнике» была опубликована информация о взыскании, данном «Архиву судебной медицины» за статью «О положении рабочих в Западной Европе», в которой высказывались «крайние социалистические идеи». Министр внутренних дел повелел «статью уничтожить, редактора

⁶³ Там же. Оп. 11 — 1871. Д. 154, ч. 3. Л. 45 об., 47.

⁶⁴ Там же. Оп. 11 — 1873. Д. 120. Л. 70.

⁶⁵ Там же. Оп. 11 — 1876. Д. 105. Л. 28 об.—31.

⁶⁶ Там же. Оп. 20. Д. 195. Л. 246 об.

⁶⁷ Там же. Оп. 6. Д. 519. Л. 66.

⁶⁸ *Розенберг В. А.* «Русские ведомости»: (Ист. очерк) // Русские ведомости, 1863–1913: Сб. ст. М., 1913. С. 30.

⁶⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11 — 1871. Д. 154, ч. 1. Л. 164–164 об.

⁷⁰ Материалы для характеристики положения русской печати. Женева, 1898. Вып. 1. С. 76.

журнала уволить, цензору объявить строгий выговор»⁷¹. 13 января 1893 г. редактору «Гражданина» было объявлено «строгое внушение», о чем также было напечатано в «Правительственном вестнике»⁷².

Решение об административном взыскании принималось на заседании Совета Главного управления по делам печати. Интересна запись в дневнике начальника Главного управления М. Н. Похвиснева о том, как в январе 1870 г. министр внутренних дел предупредил его, что считает необходимым дать предостережение «Московским ведомостям», причем по единогласному решению Совета, и Похвиснев старался подготовить соответствующим образом его членов. Его труды не увенчались успехом. Предостережение было дано, но при голосовании шесть против пяти⁷³.

В журналах заседаний Совета за 1881 г. имеется таблица, из которой можно узнать, что в 1881 г. было проведено 63 заседания, на которых было рассмотрено 85 вопросов, связанных с периодическими изданиями. Совет предполагал возбудить 2 судебных преследования, дать 28 административных взысканий, из них 14 — внушения редакторам, 24 статьи «принять к сведению», объявить 11 выговоров цензорам. В восьми случаях решили не принимать мер. Министр внутренних дел согласился с мнением Совета 72 раза. В 2 случаях он усилил наказание, в 6 — смягчил, в 2 — заменил одно наказание на другое⁷⁴. Иногда мнения присутствующих сильно расходились. Так, по поводу передовой статьи в № 166 «Московского телеграфа» (1881) большинство членов Совета предложило трехмесячную приостановку, председательствующий — прекращение издания, 2 члена — «принять к сведению», в результате министр внутренних дел запретил розничную продажу⁷⁵.

В декабре 1879 г. было подготовлено распоряжение о первом предостережении газете «Восток» за передовую статью в № 24. Оставалось только поставить дату взыскания, но предостережение не было дано⁷⁶. Статья «Народ и юридические реформы» в «Неделе» (1881. № 28) в Совете была квалифицирована как «статья о необходимости изменения <...> государственного строя» и представлена на усмотрение министра внутренних дел. В резолюции на журнале Совета министр написал: «Оставить без последствий»⁷⁷. За помещение известия о факте самоубийства

⁷¹ Распоряжение министра внутренних дел // Правительственный вестник. 1870. 12 нояб.

⁷² Там же. 1893. 13 янв.

⁷³ *Похвиснев М. Н.* Дневник, 1853 год, январь — февраль // Русский архив. 1911. № 2. С. 210–212.

⁷⁴ Подсчитано по: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 21.

⁷⁵ Там же. Л. 161–164.

⁷⁶ Там же. Оп. 6. Д. 331. Л. 43.

⁷⁷ Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 176.

в газете «Страна» в марте 1882 г. было решено вместо приостановки издания ограничиться внушением редактору, так как взыскание обратило бы внимание на опубликованный материал⁷⁸.

Главное управление по делам печати иногда публиковало специальные обращения к периодическим изданиям с разъяснениями, какие вопросы не подлежали оглашению и обсуждению⁷⁹.

⁷⁸ Там же. Д. 22. Л. 69 об.

⁷⁹ Приведем в качестве примера 3 обращения Главного управления по делам печати:

1) «Водной из частных петербургских газет был напечатан отданный С.-Петербургским обер-полицейстером приказ по полиции о дисциплинарном взыскании с нескольких полицейских чинов за некоторые упущения по службе.

Такой поступок со стороны редакции представляется вполне неуместным. Законом определен вообще порядок опубликования правительственных распоряжений, согласно коему в частных повременных изданиях могут быть печатаемы лишь такие распоряжения, которые распубликованы в подлежащих официальных изданиях. Затем не оглашенные этим последним путем распоряжения суть такие, которые по своему характеру и содержанию не должны выходить из пределов подлежащего ведомства. В частности, опубликование дисциплинарных взысканий как усугубляющее меру оных менее всего может быть допускаемо, помимо начальства, которому предоставлено назначение взыскания. Такое опубликование совершается особым установленным для сего порядком, и закон в известных случаях предоставляет это право только Правительствующему Сенату, иногда же требует Высочайшего на сие соизволения.

По изложенным соображениям Главное управление по делам печати долгом считает пригласить редакции повременных изданий воздерживаться от повторения случаев, подобных вышеуказанному» (От Главного управления по делам печати // Правительственный вестник. 1870. 8 апр.);

2) «В некоторых специальных или строго научных повременных и других изданиях помещаются нередко такие исторические и критические исследования, статьи и документы, содержанием для коих служат предметы, не могущие делаться достоянием всей массы читателей. Будучи предназначены исключительно для достижения определенных научных целей, а не для того чтобы служить пищею праздному любопытству или орудием для распространения каких-либо предвзятых теорий, упомянутые исследования, статьи и документы получают именно такое нежелательное значение, когда они перепечатываются, вполне или в выдержках и отрывках, в изданиях, имеющих совершенно иной характер, доступных всякому, распространяемых в значительнейшем числе экземпляров, а тем более в литературно-политических журналах и газетах.

Вследствие сих соображений, еще прежде заявленных официальным образом редакциям повременных изданий, Главное управление по делам печати, с разрешения министра внутренних дел, объявляет сим, что впредь за подобные перепечатки указанных выше исследований, статей и документов, или отрывков из оных, не подлежащие предварительной цензуре издания будут немедленно и неминуемо подвергаться установленным административным взысканиям» (Там же. 1872. 12 дек.);

Поощрялась система негласного предварительного цензурования статей, практиковались также переговоры с редакторами периодических изданий о возможности обсуждения в печати различных вопросов. Так, в январе 1868 г. московский генерал-губернатор В. А. Долгуруков пригласил к себе для беседы редакторов «Московских ведомостей», «Москвича», «Современных известий», «Русского» и «Русских ведомостей» и просил воздержаться от резких суждений по вопросам восточных и славянских земель, а в сентябре — петербургским изданиям рекомендовали не обсуждать положение дел в западных и прибалтийских губерниях⁸⁰.

Некоторые издания, освобожденные от предварительной цензуры, представляли на предварительный просмотр цензора некоторые материалы, чтобы обезопасить себя. 31 декабря 1879 г. начальник Главного управления по делам печати В. В. Григорьев писал председателю Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрову по поводу журнала «Слово», что он считает возможным «разрешить впредь изменение представленного в цензурный комитет экземпляра бесцензурного периодического издания лишь для тех журналов, которые, по своему благонамеренному направлению, могут заслуживать столь важного снисхождения, как устранение статей, подающих повод к объявлению предостережения». Поскольку «Слово» не относилось к благонамеренным изданиям, наблюдающему за журналом цензору было предложено «обращать особое внимание на это издание и неотложно заявлять о каждом проявлении в нем вредного направления, чтобы Главное управление могло своевременно принимать против издания надлежащие меры взыскания», и выражено неудовольствие по поводу того, что он разре-

3) «В № 294 „Правительственного вестника“ за 1872 г. было напечатано разъяснение, в коем повторялись соображения, уже прежде заявленные редакциям повременных изданий (в № 191 „Северной почты“ за 1866 г.) о неуместности перепечаток, вполне или в выдержках и отрывках, в общедоступных литературно-политических журналах и газетах таких исторических и критических исследований, статей и документов, содержанием для которых служат предметы, не могущие делаться достоянием всей массы читателей. При этом редакции предупреждались, что впредь за подобные перепечатки издания, не подлежащие предварительной цензуре, будут подвергаемы установленным мерам взыскания.

Между тем, несмотря на такое двукратное разъяснение и предупреждение, в некоторых литературно-политических повременных изданиях стали опять появляться перепечатки из специальных изданий по предметам, допускаемым в них лишь ввиду их специального характера.

Вследствие сего Главное управление по делам печати нужным считает предупредить редакции, что таковые действия оных принимаются в соображение при определении продолжительности срока налагаемых на их издания административных взысканий» (Там же. 1874. 13 марта).

⁸⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–1 об., 22–22 об.

шил исключить из журнала те статьи, за которые журнал должен был бы получить третье предостережение с приостановкой⁸¹.

Известно, что Н.А. Некрасов, пытаясь обезопасить бесцензурные «Отечественные записки», негласно представлял их на просмотр цензору⁸².

* * *

Периодическая печать, а особенно газеты, в силу своей специфики (частая периодичность, оперативность, сравнительная дешевизна, ориентация на широкие круги читателей) играла большую роль в формировании общественного мнения. Особенно это проявилось во второй половине XIX в., когда постепенно периодические издания получили право печатать политические новости, продаваться в розницу и т.д.

Правительство старалось регулировать численность и направление периодической печати. Цензура следила, чтобы газеты и журналы придерживались утвержденной программы издания⁸³. Например, П. И. Клиндеру, подавшему в 1872 г. прошение на право издавать в Иркутске газету «Сибирь», не разрешили отделы «Письма и корреспонденции из различных мест Западной и Восточной Сибири», «Новости», «Приключения» и «Юмористические заметки»⁸⁴.

Использовались различные рычаги давления на печать. Так, замена одного ответственного редактора другим могла состояться только при одобрении министром внутренних дел. Можно было останавливать выход издания в свет, отказываясь утверждать редактора, или поставить его в такие условия, чтобы пришлось поменять редактора. Так, Главное управление по делам печати в 1866–1867 гг. поставило вопрос о замене редактора «Русских ведомостей» Н. С. Скворцова «лицом более благонадежным»⁸⁵. В 1871 г. после приостановки на 3 месяца газеты «Русская летопись» ее редактор-издатель М. П. Щепкин заявил о полном

⁸¹ Там же. Оп. 6. Д. 245. Л. 104–105 об. 10 января 1880 г. журнал получил третье предостережение и был приостановлен на 3 месяца.

⁸² См. об этом: Из истории литературной политики самодержавия: Как подготавливалось закрытие «Отечественных записок» / Публ. С. А. Макашина // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 442–460.

⁸³ См., например: *Березина В. Г.* Влияние цензуры на типологию периодических изданий (первая половина XIX в.) // 200 лет российской цензуре: Тез. науч. семинара каф. истории журналистики, нояб. 1996. СПб., 1996. С. 3–6.

⁸⁴ *Ермолинский Л. Л.* Сибирская печать и царская цензура (1875–1886 гг.) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1967. С. 35. (Труды Иркут. ун-т. Сер. журналистики; Вып. 1).

⁸⁵ *Локшин А. Е.* Газета «Русские ведомости» в общественной жизни Москвы в период политической реакции 80-х — первой половины 90-х годов XIX века // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX — начале XX в. Рязань, 1981. С. 91.

прекращении им издания газеты. После этого в Главное управление по делам печати было подано ходатайство отставного штабс-капитана Ислентьева, желавшего приобрести права собственности на газету с просьбой об утверждении его в звании главного редактора. В связи с тем, что московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков считал, что Ислентьев «будет содействовать лишь деньгами прежнему редактору Щепкину», прошение было отклонено⁸⁶.

В 1898 г. газета «Вятский край» была приостановлена на 8 месяцев из-за «постоянного стремления <...> уронить авторитет власти <...> и вселить в население убеждение в неудовлетворительности законов и неправомерности их применения». Редакции было предложено представить на утверждение кандидатуру постоянного редактора. До 1904 г. было представлено 14 кандидатов, и ни один из них не был утвержден, так как, по мнению властей, эти лица «в большинстве случаев являлись или политически неблагонадежными, или же фиктивными»⁸⁷. Известно, что И. Д. Сытину удалось утвердить ответственным редактором «Русского слова» в 1901 г. своего зятя врача Ф. И. Благова, лишь зачислив в штат сотрудников издательства, а фактически взяв на содержание даму сердца начальника Главного управления по делам печати Н. В. Шаховского⁸⁸.

Полиция следила и за составом редакций. В октябре 1897 г. обер-полицмейстер Москвы в рапорте генерал-губернатору доносил о том, что И. Д. Сытин приглашает к сотрудничеству в «Русском слове» лиц, «политически неблагонадежных и известных Департаменту полиции»⁸⁹.

Проправительственная печать находилась в более выгодных условиях. Министр внутренних дел П. А. Валуев считал необходимым «поддерживать или поощрять различными льготами те частные издания, которые, в сравнении с другими, оказывались более покорными правительственным внушениям или более сдержанными, или, так сказать, вообще менее противоправительственными». По его мнению, «их соперничество с более влиятельными, более независимыми и потому более вредными органами печати, отвлекая от них часть читающей публики, представляло по крайней мере отрицательную выгоду»⁹⁰. Министр внутренних дел Д. А. Толстой также старался поощрять проправительственную печать⁹¹. Такие издания пользовались субсидиями в виде ссу-

⁸⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 341. Л. 162, 187.

⁸⁷ Там же. Оп. 12 — 1894. Д. 73. Л. 172 об.

⁸⁸ См.: Иникова С. А. Газета «Русское слово» и цензура (1897–1917 гг.) // Проблемы истории СССР. 1983. Вып. 13. С. 249.

⁸⁹ Там же. С. 247.

⁹⁰ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 104. Л. 85 об.

⁹¹ Там же. Д. 168. Л. 138.

ды, кредитов или безвозмездных выплат, им снижали почтовые тарифы, давали скидки при оплате бумаги, они имели преимущества при публикации информационных материалов⁹².

* * *

Было еще одно средство — вовсе не допускать появления неугодного издания. В. В. Водовозов считал, что этим пользовались довольно часто: «После того как кто-нибудь подаст прошение о разрешении ему издавать газету или журнал, начинаются справки о его благонамеренности. Справки эти наводятся с обычной канцелярской быстротой, и вот через 4–8 месяцев, а иногда и дольше, проситель получает ответ, в громадном большинстве случаев отрицательный и притом обыкновенно ничем не мотивированный»⁹³.

Мотивы отказов были разные. Во-первых, необходимо было, чтобы III отделение Собственной его императорского величества канцелярии дало положительный отзыв о благонадежности будущего редактора. Во-вторых, против нового издания могла возражать местная администрация. Например, в Тамбове в 1896 г. отказали в разрешении издавать газету в связи с тем, что, по мнению начальства, в Тамбовской губернии «еще не назрела потребность в издании частной газеты»⁹⁴. Часто отказывали из-за нехватки цензоров в провинции. Так, министр внутренних дел Д. А. Толстой писал в 1877 г. начальнику Кубанской области: «Вообще относительно периодических изданий, особенно же политическо-общественных и литературных, необходимо заметить, что увеличение их количества и расширение программы нежелательно, главным образом, по затруднительности цензурования в местностях, где нет штатных цензоров»⁹⁵.

⁹² См. об этом: *Есин Б. И.* Государственные меры поощрения прессы в России конца XIX — начала XX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 1995. № 4. С. 23–27; *Емельянов Н. П.* Из истории русских официозов, 1879–1880 // Вопросы журналистики: Межвуз. сб. ст. Л., 1960. Вып. 2, кн. 2. С. 72–80; *Силаев М. А.* Правительственный официоз газета «Берег» (1880 г.) // Труды Гос. ист. музея. М., 1976. Вып. 46. С. 214–237; *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX в. Л., 1988; *Лихоманов А. В.* Газета «Россия» в 1905–1906 гг.: (История возникновения столыпинского официоза) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. Л., 1990. Вып. 5. С. 46–55.

⁹³ Материалы для характеристики положения русской печати. Женева, 1898. Вып. 1. С. 9–10.

⁹⁴ Там же. С. 10.

⁹⁵ Цит. по: *Ермолинский Л. Л.* Сибирская печать и царская цензура (1875–1886 гг.) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1967. С. 33. (Труды Иркут. ун-та. Сер. журналистики. Вып. 1).

В отчете Главного управления по делам печати за 1880-е гг. отмечалось, что с 1882 по 1892 г. количество выходящих в свет газет и журналов увеличилось всего только на 12,8 %, главным образом из-за того, что «сравнительно с прежним временем разрешения на издание новых повременных изданий за отчетные десять лет выдавались с большой осмотрительностью лишь лицам, на благонадежность которых можно было более или менее положиться»⁹⁶.

Издания, не осуществленные по цензурным условиям, в статье Н. А. Богомолова получили название «потенциальная журналистика»⁹⁷. И он, и И. Е. Баренбаум считают необходимым изучение этой категории печати⁹⁸.

Используя описи архивного фонда Главного управления по делам печати, можно установить примерные цифры по так называемой «потенциальной журналистике». Дела по периодической печати за интересующий нас период сосредоточены в описях № 3 (1865–1867), № 4 (1868–1870), № 5 (1871–1875), № 6 (1876–1880, Петербург и Москва), № 8 (1881–1905, Петербург и Москва), № 11 (1871–1879, кроме Петербурга и Москвы), № 12 (1880–1897, кроме Петербурга и Москвы), № 13 (1898–1900, кроме Петербурга и Москвы), № 14 (1901–1904, кроме Петербурга и Москвы) и № 15 (1905, кроме Петербурга и Москвы). В предметных указателях описей №№ 3–12 неразрешенные периодические издания отмечены звездочкой. Подсчеты по описям нельзя считать точными, но, по крайней мере, они дают общее представление по этому вопросу.

Так, в период с 1865 по 1867 г. было разрешено 279 периодических изданий, не разрешено — 47 (в Петербурге — 21, в Москве — 13, в провинции — 13)⁹⁹. В период с 1868 по 1870 г. было разрешено 238 изданий, не разрешено 73, из них 58 на русском языке (18 в Петербурге, 8 в Москве, 5 без места издания, 27 в провинции) и еще 15 в провинции на национальных языках — латышском, немецком, эстонском, польском, еврейском¹⁰⁰. В период с 1871 по 1875 г. не разрешено 288 изданий, из них 92 на национальных языках¹⁰¹. В период с 1876 по 1880 г. не разрешено 211

⁹⁶ Организация надзора за книжным делом Российской империи в «Отчете Главного управления по делам печати за 1882–1891 гг.» / Публ. Н. Г. Патрушевой // Книга: Исследования и материалы. М., 2008. Сб. 88, № 1. С. 170–171.

⁹⁷ Богомолов Н. А. К истории русской потенциальной журналистики начала XX века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 1997. № 6. С. 21–41.

⁹⁸ Баренбаум И. Е. О некоторых неосуществленных периодических изданиях конца 50–60-х гг. XIX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. СПб., 1998. Вып. 9. С. 49–56.

⁹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. В описи не отмечены данные, касающиеся печати на национальных языках.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 4.

¹⁰¹ Там же. Оп. 5.

изданий, из них 163 на русском (88 в Петербурге, 37 в Москве, 3 без обозначения места, 35 в провинции) и 48 на национальных языках¹⁰². В период с 1881 по 1905 г. в Петербурге и Москве не разрешено 776 изданий на русском языке и 62 на национальных и иностранных, всего — 838¹⁰³. В период с 1880 по 1897 г. в провинции не разрешено 542 издания на русском языке и 138 на национальных — армянском, грузинском, еврейском, латышском, литовском, татарском, украинском, эстонском¹⁰⁴.

Судя по названиям, не разрешались, кроме изданий с общественно-политической программой, издания для детей («Петрушка» (1870), «Детский еженедельник» (1874), «Подарки детям» (1877), «Детское чтение» (1888)), юмористические («Пересмешник» (1866), «Бритва» (1867), «Комар» (1874), «Смех» (1885), «Ха-ха-ха» (1896)), профессиональные («Судебная газета» (1865), «Закон и суд» (1870), «Экономист» (1871), «Дневник врачей» (1873), «Юрист» (1878), «Нотариальный вестник» (1882), «Сцена» (1882), «Мир и охота» (1885), «Естествознание и медицина» (1887), «Банковский вестник» (1897), «Промышленная Россия» (1897), «Кондитер» (1897)), женские («Женский вопрос» (1865), «Женское слово» (1869), «Модистка» (1887)).

Важно отметить, что в каждый из этих периодов количество неразрешенных изданий все же было гораздо меньше, чем разрешенных. А то обстоятельство, что их количество постоянно увеличивалось, объясняется постоянным ростом числа газет и журналов. Те же из них, которые все же были разрешены, подвергались контролю различных инстанций, вплоть до императора.

С 1860 г. в Главном управлении цензуры, затем в Главном управлении по делам печати ежедневно составляли так называемые литературные обозрения для императора. Вначале они были небольшими. Это были «обозрения замечательнейших статей, выражавших отзывы и мнения по важнейшим вопросам и явлениям государственной и общественной жизни. Каждое ежедневное обозрение заключало в себе 4–5 статей в виде краткого текстуального извлечения из газетных статей, из коих пространнейшие вырезки прилагались к письменному тексту»¹⁰⁵. С 1867 г. в Главном управлении стали составлять обозрения и для министра внутренних дел («Министерские обозрения»). Они представляли собой вырезки из газетных статей, в которых обсуждалась деятельность высокопоставленных чиновников или правительственных учреждений в России. Членам Совета Главного управления было вменено

¹⁰² Там же. Оп. 6.

¹⁰³ Там же. Оп. 8.

¹⁰⁴ Там же. Оп. 12.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 11 — 1872. Д. 108а. Л. 63–63 об.

в обязанность «в случае появления чего-либо достойного серьезного внимания в подлежащих наблюдению каждого из них повременных изданиях, доводить о том немедленно <...> до сведения г. начальника Главного управления по делам печати для представления министру»¹⁰⁶.

* * *

Возвращаясь к системе административных взысканий, отметим, что после принятия Временных правил 1865 г. предпочтение отдавалось именно административным взысканиям.

На их эффективность указывал писатель С. Д. Мстиславский: «Административное распоряжение — есть единственный скорый и единственный безотказный суд. Кара постигает виновного незамедлительно, и притом при наименьшей затрате сил со стороны властей предержащих. <...> Помимо простоты, административное воздействие неограниченно и потому, что оно вводит нас в сферу неограниченных возможностей. Правда, по закону карательная власть администраторов ограничена, и даже пределами довольно скромными. Но если пользоваться этой властью умело — могут открыться совершенно необозримые горизонты. <...> если можно было, при должной сдержанности, уклониться от воздействия статей уголовного уложения, то от администрации, действующей преимущественно, если не исключительно „по впечатлению“ — оберечься не было никаких способов»¹⁰⁷.

Избавиться от предостережений можно было лишь после приостановки издания. Затем предостережения можно было набирать вновь¹⁰⁸: «По истечении срока приостановки провинившееся издание получало вновь право выхода в свет на общем основании, пользуясь всеми преимуществами, предоставленными бесцензурной печати»¹⁰⁹. **В кодифицированный Устав о цензуре, изданный в 1890 г.**¹¹⁰, **правила о предостережениях и приостановках периодических изданий вошли как статья 144.**

Только трижды — в декабре 1866 г., мае 1872 г. и декабре 1877 г. предостережения были сняты по указу Александра II. В декабре 1866 г. по Высочайшему повелению «Голос» был освобожден от действия третьего предостережения — ему был сокращен срок приостановки (до 1 января 1867 г.), и с газеты «Весть» были сняты два предостережения¹¹¹.

¹⁰⁶ Там же. Оп. 3. Д. 662. Л. 164 об.—165.

¹⁰⁷ Мстиславский С. Д. Свое и чужое // Заветы. 1912. № 6. С. 98, 99.

¹⁰⁸ Отметим, что предостережения сохранялись при переходе издания от одного издателя к другому.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 541. Л. 99 об.

¹¹⁰ Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14.

¹¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

В мае 1872 г. в честь 200-летия со дня рождения Петра I по предложению министра внутренних дел предостережения были сняты с тех изданий, которые подверглись этому взысканию до 30 мая 1871 г.¹¹² Таким образом взыскания были сняты с четырех изданий: «Биржевые ведомости», «Знание», «St.-Peterburger Zeitung» и «Московские ведомости». Не сняли предостережений с восьми изданий: с «Вестника Европы», «Всемирного труда», «Голоса», «Деятельности», «Искры», «Нового времени», «Русского мира», «С.-Петербургских ведомостей».

16 декабря 1877 г. предостережения были сняты со всех изданий, имевших взыскания (с 13 газет и 2 журналов), в связи с успехами России в Русско-турецкой войне и 100-летней годовщиной со дня рождения Александра I¹¹³. По два предостережения было снято с «Биржевых ведомостей», «Вестника Европы», «Голоса», «Московского обозрения», «Недели», «Русского обозрения», «С.-Петербургских ведомостей», «Современных известий», «Судебного вестника», «Финансового обозрения», по одному — с «Московской медицинской газеты», «Нового времени», «Отечественных записок», «Петербургской газеты» и «Русских ведомостей». В докладе министра внутренних дел отмечалось, что «в последнее время, за весьма немногими исключениями, в периодической печати преобладает вообще благонамеренное и патриотическое настроение, чуждое тех вредных увлечений ложными и опасными лжеучениями, которые появлялись в относительно недавнем еще прошлом»¹¹⁴.

Иногда предостережения снимались с какого-либо издания специальным Высочайшим повелением. Так, в январе 1875 г. два предостережения были сняты с «С.-Петербургских ведомостей», перешедших от В. Ф. Корша к Ф. П. Баймакову¹¹⁵. В. Ф. Дерюжинский писал, что после 1877 г. «случаев такой амнистии не было», и одной газете второе предостережение было сделано через 12 лет после первого¹¹⁶. Он имел в виду «Неделю», получившую первое предостережение в 1884 г., а второе — в 1896 г.

¹¹² Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–18 об.

¹¹³ Текст распоряжения был опубликован в «Правительственном вестнике»: «Государь Император, по всеподданнейшему ходатайству министра внутренних дел, 16 сего декабря, Всемилостивейше повелеть соизволил: сложить с временных изданий, которые в настоящее время состоят под действием объявленных им предостережений, силу этих взысканий» (Высочайшее повеление // Правительственный вестник. 1877. 18 дек.).

¹¹⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 13. Л. 51–53.

¹¹⁵ Высочайшее повеление // Правительственный вестник. 1875. 29 янв.

¹¹⁶ *Дерюжинский В. Ф.* Полиция печати // *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. СПб., 1917. С. 196.

* * *

Правило о приостановке после трех предостережений было дополнено законом от 27 августа 1882 г., когда были приняты новые Временные правила для периодических изданий¹¹⁷. Согласно этому закону, издания (выходящие не реже одного раза в неделю), возобновленные после временной приостановки, должны были каждый номер представлять в цензурный комитет не позднее 23-х часов накануне дня выхода в свет, хотя они и считались освобожденными от предварительной цензуры. Цензурному комитету разрешалось приостанавливать выпуск этих изданий без возбуждения судебного преследования. Срок действия наказания зависел от министра внутренних дел. Таким образом, после приостановки газеты как бы вновь подчинялись предварительной цензуре, да еще ставились в тяжелые условия, так как после 23-х часов никакие материалы уже не попадали в номер, и издание теряло оперативность в освещении событий. **В кодифицированный Устав о цензуре этот параграф Временных правил вошел как примечание к статье 144.**

Сотрудники «Русских ведомостей» рассказывали, как это осуществлялось на практике. И. П. Белоконский вспоминал: «Цензору отправлялся номер газеты уже в сверстанном виде, готовый к выходу, а цензор буквально из-за одного слова может похерить его целиком. Целый день весь состав редакции работает над номером, каждая строчка подвергается отделке и рассмотрению со всех сторон, употребляется масса труда, десятки тысяч подписчиков завтра утром ждут газеты, но никто в редакции не знает, увидит она свет или нет. Все зависит от усмотрения одного человека, цензором именуемого, который, не волнуясь и не трудясь, спокойно ждет ночи, когда ему доставят номер, он его посмотрит и волен выпустить или не выпустить»¹¹⁸. В. А. Розенберг писал: «Фактически это свело вечерний цензурный просмотр к какой-то суммарной и сумбурной предварительной цензуре всех статей, предназначенных в очередной номер. При этом цензор, по букве толстовских правил, не имел права вычеркнуть ни одного слова, но мог приостановить целый выпуск. Надо думать, что самым ретивым цензорам этот род газетной цензуры представлялся тяжелой обузой. Для редакции же и сотрудников газеты эта предварительная цензура без красных чернил была истинной казнью египетской»¹¹⁹.

Закон был отменен Высочайшим указом 23 мая 1905 г.¹²⁰

¹¹⁷ ПСЗ. Собр. 3. Т. 2. № 1072.

¹¹⁸ Белоконский И. П. Из воспоминаний сотрудника // Русские ведомости, 1863–1913. М., 1913. С. 175.

¹¹⁹ Розенберг В. А. «Русские ведомости»: (Ист. очерк) // Там же. С. 36–37.

¹²⁰ ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26263.